ГОСУДАРСТВО
РЕЛИГИЯ
ЦЕРКОВЬ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Грегори Фриз — профессор Брандейского университета (Массачусетс, США) и научный сотрудник Центра российских исследований Дэвиса Гарвардского университета, признанный специалист по истории Русской православной церкви и русского духовенства. Во время своего пребывания в Москве в начале 2016 года для участия в проекте по созданию обновленной линии гуманитарных курсов для студентов естественнонаучных специальностей, реализуемого кафедрой теологии Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», он дал публикуемое интервью.

В октябре 2017 года в Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) состоится международная конференция «Религия и русская революция», на которой профессор Фриз выступит в качестве ключевого докладчика.

Интервью

Грегори Фриз

«Понять церковь — значит понять народ...»

Gregory Freeze

"To understand the Church means to understand people..."

Gregory Freeze — Brandeis University; Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University (Massachusetts, USA). freeze@brandeis.edu

Gregory Freeze, an American historian and expert on Russian history and the history of the Russian Church, tells in an interview about his academic biography and the roots of his interest in the history of the Russian religious history. He recalls Soviet-American scientific relations in the 1970s and 1980s and the communication difficulties of that period. Freeze also speaks about the current state of Russian studies and the history of religion in the United States. Turning to the results of his research, Freeze reveals the complex dynamics of the relationship between secular and ecclesiastical authorities, and compares the Russian society and the people's religiosity in the imperial period with current developments. Freeze puts the current religious situation in Russia in the context of global trends in the religious sphere and notes the gap between the personal faith and belonging to religious institutions. In conclusion, he stresses the need to study religion as an integral part of world civilization.

Keywords: History of the Russian Empire, history of the Russian Orthodox Church, social history, clergy, Russian religiosity, popular Orthodoxy, Soviet-US scientific relations, the Russian studies in the USA.

Фриз Г. «Понять церковь — значит понять народ...» (интервью) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. №4. С. 242–250.

Freeze, Gregory (2016) "To understand the Church means to understand people..." (Interview), *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 34(4): 242–250.

Почему Вы стали заниматься историей Русской православной церкви?

Это было в 1970-е, в годы холодной войны. В аспирантуре Колумбийского университета в Нью-Йорке мне надо было выбрать тему диссертации. Как многие русисты в то время, я интересовался социальной историей России. Однако, как правило, аспиранты-русисты выбирали направление своей работы с некоторой оглядкой на советскую историографию. Если советские историки писали о рабочем классе, о том, как его угнетали и как рабочие уважали Ленина, то задача наших специалистов обычно состояла в том, чтобы доказать обратное. Меня это не интересовало, я хотел работать над чем-то самостоятельно.

В тот момент никто из советских и западных историков — ни церковных, ни светских — не уделял достаточного внимания церкви и духовному сословию. Возможность провести оригинальное исследование в этой области меня очень привлекла. По теме духовного сословия серьезно никто не работал, исследований по русскому православному духовенству не было. И поэтому у меня была полная монополия.

По убеждениям я — народник. А чтобы понять народ, надо знать его культуру в широком смысле, его веру, то, как она развивалась, на что влияла, знать его церковь и взаимоотношения народа со своей церковью.

Тогда историю Русской церкви, как правило, рассматривали исключительно в контексте политической истории. Меня же интересовала история церкви с точки зрения истории народа и тех слоев духовенства, которые к нему были особенно близки. Поэтому я стал заниматься духовным сословием и непосредственно приходским духовенством, так как именно приходские священники разделяли жизнь прихожан, находились в непосредственной близости к народу.

Мои активные исследования русского духовного сословия продолжались с начала 1970-х до середины 1980-х годов. Первая книга «Русские левиты: приходское духовенство в XVIII в.» вышла в 1977-м, и вторая «Приходское духовенство в России в XIX в.» — в 1983-м[1]. Затем я постепенно стал переходить в сво-

1. *Freeze, G.L.* (1977) *The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Harvard University Press; *Freeze, G.L.* (1983) *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton.

их исследованиях от духовенства к самим верующим. Меня интересовало, чем церковь была для народа, что она значила для простого верующего, каким было «народное православие», как оно проявляло себя в повседневной жизни русских людей. С тех пор я работаю в этой области.

Расскажите о ваших нынешних исследованиях.

Я продолжаю свои исследования по русской церковной истории с акцентом на верующих мирянах периода с середины XVIII века. Сейчас я также работаю над проблемами раннего советского периода. Мои архивные исследования ограничиваются началом Второй мировой войны, а круг источников — временными рамками конца 1920-х годов. 1930-е годы — это совершенно другой мир. В 1980-е и 1990-е я написал ряд статей для научных журналов и сборников, в основном по дореволюционной России. Так, опубликованы две статьи о Русской православной церкви и бракоразводном вопросе, статья об эпитимии, несколько статей о церковно-государственных отношениях, работы о «приходском вопросе» в позднеимперской России[2]. К концу 1990-х годов я стал активно заниматься советском периодом, в том числе потому, что

2. *Freeze, G.L.* (1990) "Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860", *Journal of Modern History* 62: 709–748; *Freeze, G.L.* (1999) "L'ortodossia russe e la crisi delle famiglie. Il divorzio in Russia tra la rivoluzione e la guerre (1917–1921)", in Adalberto Mainardi (ed.) *L'Autunno della Santa Russia, 1917–1945. Atti del VI Convegno ecumenico internazionale di spiritualità in Russia*, pp. 79–117. Magnano: Qiqajon; *Freeze, G.L.* (2000) "Krylov v. Krylova: 'Sexual Incapacity' and Divorce in Tsarist Russia", in William Husband (ed.) *The Human Tradition in Modern Russia*, pp. 5–17. Wilmington, Delaware: Scholarly Resources, Inc.; *Фриз Г.Л.* Мирские нарративы о священном таинстве: Брак и развод в позднеимперской России//Православие: конфессия, институты, религиозность (XVII–XX вв.). Сборник статей/под ред. М. Долбилов, Б. Колоницкий, П. Рогозный. СПб., 2009. С. 122–175; *Freeze, G.L.* (1993) "Public Penance in Imperial Russia: A Prosopography of Sinners", in Stephen K. Batalden (ed.) *Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine, and Georgia,* pp. 53–82. DeKalb: Northern Illinois University Press; *Freeze G.L.* The Church and the Tsar: A Confrontation over Divorce in Late Imperial Russia//Странницы Российской истории: проблемы, события, люди: Сборник статей в честь семидесятилетия Бориса Васильевича Ананьича/ред. В. М. Панеях. СПб., 2004. С. 195–203; *Freeze, G.L.* (2001) "All power to the parish? The problems and politics of church reform in late imperial Russia", in Madhavan K. Palat (ed.) *Social Identities in Revolutionary Russia*, pp. 174–208. Palgrave; *Фриз Г.Л.* «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг.//Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3/4(30). С. 86–105.

доступ к архивам стал относительно свободным, но также и для того, чтобы лучше понять динамику дореволюционной России. В 1999 г. опубликована первая статья (о сталинском наступлении на прихожан с 1929 г.)[3]. Другие работы представляют собою части монографии «Большевики и верующие» для Йельского университетского издательства, которую я хотел бы закончить в следующем году. Затем я планирую сосредоточиться на моей главной работе — «Русская православная церковь и общество. 1750–1917 гг.».

Вы были одним из первых западных исследователей, которые получили доступ в советские архивы. Как вам это удалось?

В то время происходил культурный обмен между СССР и США. Америка прислала в Советский Союз поэтов и историков, а Союз — более практично — прислал в США химиков и других естественников. Однако попасть в Советский Союз было непросто. Четверть тех специалистов, которых направляла американская сторона, Союз не принимал, и наоборот. Так однозначно был запрещен въезд тем, кто занимался национальным вопросом.

Пребывание в Советском Союзе было сопряжено с рядом трудностей, главной из которых была визовая проблема. Получив визу в Москву, ты мог, скажем, находиться в течение небольшого срока в Ленинграде (с разрешения Инотдела университета), но работать в провинции было невозможно. Ты приезжаешь в Москву, но это не значит, что ты автоматически получаешь разрешение работать в архиве. Сначала было довольно трудно, но, в конце концов, я получил доступ в архив в Москве, а затем и в архив в Ленинграде. Как ни странно, я очень легко получил разрешение посетить Киев — попасть в столицу союзной республики в то время оказалось проще. И, напротив, посетить, например, Владимир или Тверь было практически невозможно. Приходилось как-то договариваться, и помогали российские коллеги.

Мне очень помог один из ведущих сотрудников Ленинградского отделения Института истории Академии наук. Он попросил меня перевести его книгу, вернее, найти грант для перевода

3. *Freeze, G.* (1998) “Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941”, in M. Hildermeier (ed.) *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg; Neue Wege der Forschung*, pp. 209–232. Munich.

его книги на английский. Но я сразу понял, что мне проще самому перевести эту книгу, чем возиться, подавать заявки, которые еще неизвестно, чем закончатся. Я сделал этот перевод, ничего не ожидая, но он меня отблагодарил: помог попасть во Владимир. А это — с точки зрения исторических источников — совсем другой мир. Я всегда считал, что синодальный архив (сейчас РГИА) — это гигантский «пылесос», а когда попал в областные архивы, понял: плохой «пылесос», потому что масса интересных и важных дел до столичных архивов не доходила.

В архивах я работал без обеда, с девяти утра до девяти вечера. Каждое дело — подарок. Открываешь рукопись, и там может быть что угодно! Конечно, читаешь заголовок, но никогда не знаешь, что там в действительности. Сейчас, если я вижу дело на 60 страницах, то уже знаю, что там будет. Но тогда, в начале моей работы, каждое дело было настоящим открытием. Однако были ограничения на доступ к документам. Однажды мне помог один демограф — он передал мне дело 1784 года с полным списком причастников и с их данными. Он использовал этот документ в демографических исследованиях и поделился со мной. Иначе я не смог бы получить это дело.

Насколько популярна русистика сегодня?

После 1991 года, когда перестали бояться Советского Союза, интерес к России упал. Тем не менее до 2008 года лекции посещало довольно много слушателей. С наступлением экономической депрессии наши студенты не занимаются гуманитарными науками вообще и историей в частности. Большинство изучают «практические» специальности — естественные науки, экономику или бизнес, чтобы иметь возможность легко трудоустроиться. Моя коллега из Нью-Йоркского университета рассказывает, что у нее на курсе 5–6 человек. У меня на курсе сейчас 25 человек, но раньше их было бы 40.

В то же время в последние годы интерес к России усиливается. Религия также стала интересовать студентов гораздо больше, чем раньше. Мы наблюдаем усиление интереса к духовной сфере.

Недавно Гарвардский университет пригласил меня вести курс по Русской православной церкви. Это приглашение вызвано ростом интереса к религии, а среди славистов — к Русской церкви. А специалистов в этой области мало.

Существует ли сегодня в США школа исследователей Русской церкви?

В середине 1980-х годов произошел «культурный поворот» в мировой историографии, который оказал огромное влияние на современную историческую науку. Утвердилась идея, что культура — это не некая надстройка, а мощный движущий фактор развития общества, что культура не пассивна, а активна. Возникли новые формы изучения «социального», и религия как часть культуры стала предметом особого внимания исследователей.

Интерес к истории Русской церкви в 1970–1980-е годы совпал не только с обращенностью к этой теме большой группы аспирантов, но и с указанным «культурным поворотом». В середине 1980-х я читал лекции в калифорнийском университете в Беркли, и тогда целая группа исследователей стала заниматься религией. Однако сегодня на Западе новые люди в этой области — редкость. По-прежнему звучат старые имена. Вера Шевцова, Надежда Киценко и другие продолжают трудиться, пишут интересные работы, однако новое поколение ученых, к сожалению, не формируется, новых имен не появляется. Впрочем, это касается не только истории Русской церкви: после кризиса 2008 г. практически все университеты пребывают в трудном финансовом положении, сокращают штат, особенно в области гуманитарных наук (спрос упал!), и поэтому новое поколение историков просто никак не может устроиться и вынуждено искать работу не в науке, а в других сферах.

Какую роль играет личное вероисповедание исследователя, который занимается историей церкви?

Если человек, так сказать, слишком конфессионально сознательный в плохом смысле этого слова, то есть «фанатик», это может иметь негативные последствия. Однако люди неверующие, далекие от церкви могут упустить самую суть религиозных проблем, если изучают лишь их институциональное или социальное измерение. Верующим легче понять религиозные традиции и всю сложность поведения верующих. Скажем, какими мотивами может руководствоваться приход, который требует удаления священника? Далекий от церкви исследователь может ссылаться на то, что священник — пьяница. При этом он может не заметить,

что главная причина в том, что священник — просто плохой пастырь. Иначе говоря, нельзя игнорировать или приуменьшать значение духовного фактора.

Можно ли утверждать, что официальная церковь и народная религия всегда шли одним путем? Каковы были их отношения?

Здесь нужно говорить о двух периодах — до 1850 года и после. До середины XIX века в России происходила институализация официального православия. Фактически это было проведением в жизнь петровской реформы благочестия, реализацию которой самому Петру не удалось завершить. С середины XVIII века, в эпоху Просвещения, шел процесс церковного строительства как административной системы. Правительство активно способствовало развитию наук и искусств, но просвещение в России было религиозным. Многие священники подписались на издания писателей русского Просвещения. До середины XVIII века в церквах не читали проповедей — просто не было такой практики, а к середине XIX века каждый священник раз в неделю читал проповедь; правда, чаще всего это было зачитывание готовых, напечатанных проповедей. Также стали читать и изучать катехизис. Параллельно с этим до середины XIX века были попытки «очистить» народное православие от увлечения чудесами, иерархи выступали против новых канонизаций, распространения крестных ходов и проч.

Вспоминаю одно «дело» 1778 года. Владимирский епископ арестовал икону, чтимую как чудотворную на одном из приходов епархии. Конечно, такие иконы не уничтожали, а только конфисковывали. И вот, он забрал ее и поставил во владимирском соборе. Верующие проявили большое упорство: каждые десять лет этот приход жаловался и просил вернуть икону, но произошло это только в 1918 году.

Второй период начинается с середины XIX века, когда такого рода преследования прекратились и целью стала мобилизация духовной силы православного народа. Власти боялись того, что уже происходило на Западе, то есть дехристианизации и расцерковления верующих. При этом они противостояли не столько атеизму и безверию, сколько старообрядцам и сектантам. Собирались так называемые соборы XIX века, съезды епископов близлежащих епархий в Киеве, Казани и Иркутске, ориентированные в основном на внутреннюю миссию. К народным тради-

циям стали более лояльны, разрешили крестные ходы, признали многих местночтимых святых. Приход получил больше полномочий и самостоятельности через приходские попечительства. Однако полного поворота к народному православию так и не произошло. Епархиальные власти параллельно усиливали контроль, проводили ревизии.

Власть разделяла веру своего народа?

Легитимность российского императора опиралась на пять оснований. Первое — это благочестие; настоящий русский царь, такой как Алексей Михайлович, каждый день проводил много часов в церкви. Второе — патримониальность, вотчинный менталитет. Отношения царя и подданных строились по аналогии с властью вотчинника над «рабами» (в допетровской Руси использовалось слово «раб», а не «подданный»). Правда, постепенно первоначальная концепция «вотчинника» приобретала патриархальную окраску — в смысле отношения отца к своим малолетним детям. В начале XVIII века появляются еще три принципа: личная харизматичность, яркий пример которой — Петр Великий; идея «общего блага», которая определяет призвание государства; и, наконец, — внешнеполитическая военная власть.

Исторически, в Московской Руси, благочестие было главным из этих принципов, но со времени Петра Великого значимость этого фактора для легитимности власти уменьшается. Ситуация начинает меняться только при Николае II, который испытывал огромный интерес к допетровской Руси, пытался повысить значение благочестия. При его правлении строятся храмы допетровской архитектуры, происходит целый ряд канонизаций. Он лично настаивал на канонизации Серафима Саровского, и в торжествах по случаю его прославления в лике святых принимала участие вся царская семья.

Какой вам видится современная религиозная ситуации в России?

Сегодня проблемы в России те же, что и во всем мире: люди исповедуют веру, но не принадлежат к религиозным институтам. Разрыв связи между верующими и религиозными институтами с каждым годом увеличивается. Это мы видим и в России. Люди здесь в большинстве своем такие же «расцерковленные», как

и верующие на Западе. Все заметнее феномен антиклерикальных настроений, но в некоторых случаях это неизбежно. Это ставит новые задачи перед представителями церкви. Им необходимо понять, что главное не строить храмы, а наладить диалог, связь с верующими, что в народном православии есть большой потенциал. В конфликтных ситуациях им нужно действовать по-христиански, с терпением. И еще очень важно обращать внимание на то, что есть хорошего в церкви и что церковь может дать миру. Сегодня надо тщательно изучать социальные вопросы и разрабатывать социальные программы. Как это было, кстати, до революции, когда церковь принимала самое активное участие в борьбе с крепостным правом, пьянством, проституцией. Церковь должна войти в мир, с огромным вниманием отнестись к проблемам современности и воплощать учение Христа в этом мире.

Какие уроки можно извлечь из российской истории имперского периода?

Я считаю, что важна толерантность, уважение к другим конфессиям. Из политики власти, направленной на их маргинализацию, ничего хорошего не получилось. Не менее важно и взаимное уважение верующих, поскольку у всех ведущих конфессий есть общие ценности. Могут быть споры и дискуссии, но должен быть и конструктивный диалог.

Для многих студентов гуманитарная и тем более религиозная темы находятся на периферии их интересов. Как бы Вы сформулировали, в чем для них состоит значимость такого рода знаний?

Я уверен, что русскому человеку, чтобы понять себя, надо знать историю Русской православной церкви, одного из важнейших институтов, который играл и играет ключевую роль в истории России, если не всегда в институциональном, то уж точно в культурном плане. Кроме того, изучая религию, вы получаете возможность понять мировую цивилизацию. Вы должны интересоваться религией, даже если сами не религиозны, чтобы понять этот мир, понять живущих в нем людей и быть гражданами мира.

Беседовала Мария Виноградова